

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-13-38

УДК 94 (47)

А.А. Медведев

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация;

МИРЭА – Российский технологический университет,
119454, г. Москва, Российская Федерация

Изменение системы отношений князей Рюрикова рода в период от установления ордынской власти над русскими землями до начала XIV в.

В статье рассматривается эволюция отношений княжеского рода Рюриковичей в первые десятилетия после монгольского нашествия 1237–1240 гг. Единство княжеского рода, необходимое в домонгольский период для поддержания своей власти над крупнейшими восточнославянскими центрами ввиду существования сильных городских общин, нарушается в новых условиях. Установление вертикали власти монгольскими ханами кардинально меняло политическую систему русских земель. Городские общины Древней Руси, получившие сильнейший удар в результате нашествия, не могли в прежнем объеме контролировать деятельность князей, за исключением Новгорода. Ярлыки монгольских ханов русским князьям нарушали горизонтальные связи в обществе и создавали условия для перехода от лестничного принципа передачи власти князьями к отчинному, для закрепления русских земель за отдельными княжескими семьями и передачи их в прямой нисходящей линии. Новый принцип передачи власти от отца к сыну начинал распространяться и на высшую власть – великий стол во Владимире.

© Медведев А.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: монгольское нашествие, княжеский род, лестничный принцип передачи власти, княжеский стол, отчина, ярлык на княжение, городская община Древней Руси

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Медведев А.А. Изменение системы отношений князей Рюрикова рода в период от установления ордынской власти над русскими землями до начала XIV в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 13–38. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-13-38

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-13-38

A.A. Medvedev

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;
MIREA – Russian Technological University,
Moscow, 119454, Russian Federation

Changes in the system of relations between the princes of the Rurik family during the period from the establishment of the Horde power over the Russian lands to the early 14th century

The article examines the evolution of relations among the princely family of the Rurikovich in the first decades after the Mongol invasion of 1237–1240. The unity of the princely family, which was necessary in the pre-Mongol period to maintain its power over the largest East Slavic centers due to the existence of strong urban communities, was disrupted under the new conditions. The establishment of the vertical power structure by the Mongol khans radically changed the political system of the Russian lands. The urban communities of Ancient Rus, which had suffered a severe blow as a result of the invasion, could not control the activities of the princes to the same extent, with the exception of Novgorod. The labels of the Mongol khans to the Russian princes disrupted horizontal connections in society and created conditions for the transition from the ladder principle of transferring

power by princes to the patrimonial principle, for securing Russian lands for individual princely families and transferring them in a direct descending line. The new principle of transferring power from father to son began to extend to the highest authority – the great table in Vladimir.

Key words: invasion, princely family, ladder principle, throne, patrimony, label for reign, city community of Ancient Rus

FOR CITATION: Medvedev A.A. Changes in the system of relations between the princes of the Rurik family during the period from the establishment of the Horde power over the Russian lands to the early 14th century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 13–38. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-13-38

Монгольское нашествие 1237–1240 гг. нарушило естественные процессы государственной эволюции восточнославянских земель, а по мнению некоторых исследователей, нанесло смертельный удар городам-государствам Древней Руси [27, с. 712].

Сильнее всего в результате борьбы с армией завоевателей пострадали старшие города каждой земли, т.к. они были главными очагами обороны. В них собиралось население волостей в надежде найти убежище за мощными укреплениями. Практически полностью было уничтожено население Рязани¹, страшно обескровлен Владимир² [22, с. 241–242, 252–253], разгромлены и опустошены Чернигов и Переяславль Русский³. По свидетельству Плано Карпини, проезжавшего Киев через шесть лет после взятия его войсками хана Батыя, «этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь сведен почти ни на что: едва существует там двести домов...»⁴. Схожая судьба постигла Галич и Владимир-Волынский⁵.

Подверглись разгрому и другие города, бывшие пригородами этих центров. В Лаврентьевской летописи сообщается о захвате монголами 14 городов только в Ростовской земле. Среди них перечислены Суздаль, Ростов, Ярославль, Городец, Москва, Галич Мерьский,

¹ Повесть о разорении Рязани Батыею // Храбрые русичи: «Слово о полку Игореве». Воинские повести. Былины. Исторические песни Древней Руси. М., 1986. С. 117–123; Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 75.

² Там же. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 463–464; Там же. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 780.

³ Там же. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 781–782.

⁴ Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. Книга Марко Поло / пер. И.М. Минаева. М., 1997. С. 51.

⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 786.

Переяславль и др.⁶ Однако участь их была разной. Москва, прикрывавшая подходы к Владимиру с юга, была взята штурмом, а ее население полностью истреблено⁷. Города, лежавшие между Владимиром и Верхней Волгой, которые были оставлены своими гарнизонами, ушедшими на р. Сить, пострадали меньше. Их население, вслед за дружинами князей и ополчением горожан, оставило города, укрывшись в лесах [22, с. 242–244, 252].

Погибли и многие князья со своими дружинами. В борьбе с захватчиками погиб владимирский князь Юрий Всеволодович, все его дети и внуки, его племянники – Василько и Всеволод Константиновичи. Не щадили завоеватели и духовенство. При штурме только Владимира погибли епископ, архимандрит, игумены монастырей и большая часть приходского и черного духовенства. Тяжкие раны, нанесенные нашествием всему древнерусскому обществу, не могли не отразиться на его государственной системе.

Первый симптом нарушения государственного единства старшего города и его земли обозначился сразу после ухода монголов из Северо-Восточной Руси [12, с. 41–48]⁸. Ярослав Всеволодович, занявший

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 462, 464.

⁷ Там же. Стб. 460–461.

⁸ Следует согласиться с мнением А.А. Горского о том, что понятия «земля» и «волость» менялись на протяжении XI, XII, XIII вв. Но едва ли можно согласиться с его мнением о том, что волости в домонгольскую эпоху находились исключительно в ведении князей на основании того, что в летописях они упоминаются больше по «князьям-владельцам», чем по крупнейшим городским общинам Руси. Во-первых, князья действительно смотрели на земли и волости как на свои. Но желания князей и их реальные возможности расходились на практике. Князья могли владеть землями и волостями только с учетом мнения городских общин старшего города земли. Один из наиболее ярких примеров – начало правления в Киеве Владимира Мономаха.

В Ипатьевской летописи под 6621 (1113) г. содержится подробный рассказ об обстоятельствах его прихода к власти. Через 10 дней после смерти киевского князя Святополка Изяславича киевляне собрались на совет, на котором решили пригласить на киевский стол Владимира Всеволодовича. Состав совета не уточняется, но из последующих сообщений можно сделать вывод, что, скорее всего, он состоял из бояр. Однако князь отказался приехать, и тогда киевляне, которые, вероятно, были представлены городскими купцами и ремесленниками, разграбили дворы тысяцкого и евреев, проживавших в городе. Тогда князю последовало второе приглашение от киевских бояр с укоризной о том, что если он не придет, то киевляне нападут и ограбят бояр, его невестку, жену усопшего князя Святополка, и монастыри. После этого приглашения Владимир Мономах прибыл в Киев и «сѣдѣ на столѣвѣ своего и дѣдѣ своихъ» (Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 275–276). Примечательно в этом сюжете поведение князя, который не торопится ехать в Киев, и приглашение киевского совета, проигнорировавшего княжеские принципы занятия столов. Владимир Мономах по родовому лестничному счету уступал Давыду и Олегу – сыновьям Святослава Ярославича. Всеволод Ярославич, отец Владимира, был младше Святослава Ярославича, следовательно, дети Всеволода по старшинству уступали его детям.

в 1238 г. владимирский стол, по словам летописца: «отда Суждаль брату своему Святославу, того же лета отда Ярослав Ивану Стародуб»⁹. Владимирская община, значительно ослабленная войной с монголами, хотя возможно и заключила какие-то ряды (договоры) с Ярославом Всеволодовичем, но, по-видимому, их содержание отражало изменившееся соотношение сил в пользу князя, сохранившего свою дружину в период монгольского вторжения. Владимирская община не могла в прежнем объеме покровительствовать своим пригородам, которые князь по своей воле отдал своим братьям. В прежние времена князь, заключивший ряд с общиной старшего города, мог разместить в его пригородах своих детей, братьев или племянников, но это делалось на определенных условиях¹⁰. В новых условиях князь делает это почти самовластно. Этот момент и нашел свое отражение в летописях.

Кроме того, было еще решение съезда князей в Любече в 1097 г.: «каждый да держит отчину свою». Если этот принцип был справедлив в отношении не только участников съезда, но и их потомков, то в Киеве должен был княжить Ярослав Святополчич. Таким образом, получается, что Владимир Мономах получил киевский стол в нарушение как принципа старшинства, так и отчинного принципа, но волеизъявлением самих киевлян. Причем не только бояр, но всех горожан. Владимир Всеволодович выдержал паузу, чтобы посмотреть реакцию горожан на попытки со стороны других князей занять киевский стол, и, когда убедился в благоприятном для себя исходе дел, отправился на княжение в Киев. Так замещение князем киевского стола и владение волостями в Киевской земле произошло по воле городской общины Киева.

Во-вторых, князьям в отношениях между собой надо было как-то обозначать волости по своему имени или имени отцов, чтобы отстаивать свои права на них перед князьями из других линий единого княжеского рода. Эти аргументы князей по отношению к конкурентам и попали на страницы летописей, поэтому делать вывод о безусловном праве князей по распоряжению волостями надо с осторожностью. Для монгольской эпохи безусловное распоряжение волостями волей князей можно считать состоявшимся, для домонгольской – с оговорками.

⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 467.

¹⁰ Политическая активность владимирцев впервые прослеживается после гибели Андрея Боголюбского, когда они размежевались с боярами – участниками заговора против князя, торжественно похоронив его в Успенском соборе. В отличие от ростовцев, суздальцев и переяславцев, община Владимира поддержала Михаила Юрьевича. Под давлением ростовского боярства, пригласившего в 1174 г. на княжение Мстислава и Ярополка Ростиславичей, владимирцы вынуждены были уступить. Но, даже принимая к себе на стол из ростовской руки Ярополка Ростиславича, владимирцы заключили с князем договор (Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 597–598). Следующий договор был заключен владимирцами в 1176 г. с Михаилом Юрьевичем после победы над Ростиславичами. Причем Михаил Юрьевич заключил также ряд с крестным целованием с побежденными ростовцами и суздальцами. После смерти Михаила Юрьевича владимирцы посадили у себя на столе Всеволода Юрьевича. Когда после окончательной победы над Ростиславичами и Глебом Рязанским князь попытался обойтись с пленными противниками с уважением, то столкнулся с жесткой волей владимирцев, требующих суровых мер для пленников, и вынужден был подчиниться. Деспотической системы правления в Северо-Восточной Руси, вопреки существующему мнению, в домонгольский период не наблюдается [13, с. 92–94]. Князь действует согласно ряду с горожанами.

Для описания подобных действий со стороны князя в домонгольское время использовался глагол «посадиша» или выражение «посла на стол», если это был значительный город со своим кафедральным собором. В данном же случае мы видим глагол «отда». Для убедительности наших слов мы можем обратиться к летописной статье 6685 (1177) г., содержащей данные о том, как Всеволод Юрьевич, поддерживаемый владимирцами, пытался договориться о мире и разделе княжения с Мстиславом Ростиславичем, опиравшемся на ростовских бояр. Когда речь зашла об определении судьбы Суздаля, то Всеволод предложил обратиться к мнению самих суздальцев в выборе себе князя¹¹. Естественно, что Суздаль, как спорный город не только между князьями, но и между общинами Ростова и Владимира, оказался в выгодном положении. Но само предложение Всеволода Юрьевича апеллировать к решению суздальцев говорит здесь об участии в политической жизни населения не только старших городов земли, но и пригородов. «на что же старейшии сдумают, на том же пригороды стануть»¹². Самоопределение суздальцев означало, в первую очередь, их переход под покровительство владимирской или ростовской общины, а уже

В 1212 г. Всеволод Юрьевич, столкнувшись с неповиновением старшего сына Константина, желавшего вернуть старшинство Ростову, собрал владимирцев и заключил с ними ряд о том, что они будут поддерживать его второго сына Юрия (Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 108).

Интересно, что когда в 1216 г. Константин победил Юрия на Липицком поле, то, казалось бы, он имел все возможности присоединить Владимира к Ростову, как писал в 1212 г. своему отцу. Однако Константин Всеволодович, понимая, что владимирцы ни за что не потерпят старшинство ростовцев, сел на стол во Владимире. После смерти Константина в 1218 г. Юрий Всеволодович, имея связи с владимирцами, без каких-либо проблем вернул себе власть во Владимире. Есть мнение, что Юрий Всеволодович вернул себе Владимир по договору с Константином, основанное на буквальном толковании сообщения летописи [19, с. 101]. Однако странно то, что победитель в Липицкой битве просит у разбитого им и бежавшего с поля боя налегке Юрия за своих сыновей (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 442). Старшему из сыновей Константина Васильку было на момент смерти отца около 10 лет, и можно подумать, что дело было в возрасте наследников. Однако в точно таком же возрасте в 1425 г. Василий II Васильевич заставил своего дядю Юрия Дмитриевича признать свое старшинство. Несоввершеннолетний тверской князь Дмитрий Михайлович совершает поход против Юрия Даниловича в 1311 г., в аналогичном возрасте Дмитрий Иванович изгоняет в 1362 г. из Владимира суздальского князя Дмитрия Константиновича (Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 159, 181, 246). Это говорит о том, что в начале XIII в. в условиях нестабильности отношений князь в Северо-Восточной Руси зависел от мнения сильнейшей городской общины.

Таким образом, владимирская община, являясь с 1174 г. активным субъектом политической жизни в Северо-Восточной Руси, взаимодействовала с действующими здесь князьями, заключала с ними договоры, заставляла князей учитывать свою волю.

¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 380–381.

¹² Там же. Стб. 377–378.

потом под руководство того или иного князя, которого признает старший город.

Еще убедительнее падение старшего города земли в результате нашествия можно увидеть в сопоставлении волостей, которые были разорены монголами и которых вторжение завоевателей коснулось только в окраинных частях. Многочисленные грамоты, фиксирующие отношения новгородской общины и князей, занимавших новгородский стол, ясно показывают, каким образом старший город защищал свою землю от самовластия князей. Эти же грамоты указывают на процессы произвольного действия князей во Владимирской земле, что новгородцы считали недопустимым у себя¹³.

Следующий этап изменения системы управления восточнославянских земель отмечен поездкой князя Ярослава Всеволодовича в 1243 г. к вернувшемуся из европейского похода хану Батыю. Это поездка фактически означала признание власти монгольского императора со всеми вытекающими отсюда последствиями. Верховным правом власти в землях обладал теперь не русский княжеский род Рюриковичей и не старшие города в своих землях, а монгольский род Чингисидов в лице каракорумских императоров и сарайских ханов. Черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу, вернувшемуся со своей дружиной из Венгрии, было заявлено, что «не подобает вам жити на земли Батыеве и канове, не поклонившееся има»¹⁴. Батый, в свою очередь, признал родовое старшинство Ярослава Всеволодовича среди всех князей Рюриковичей¹⁵, но это признание имело большие последствия, как для единства всего княжеского рода, так и для отношения князей с городскими общинами.

Поездка князя Ярослава Всеволодовича к хану Батыю означала изменение статуса всего княжеского рода. Если в домонгольское время сначала славянские, финно-угорские и балтийские родовые общины, а потом городские территориальные общины были объектами политики со стороны потомков Рюрика и их дружин, то теперь сам княжеский род стал объектом воздействия на него со стороны монголов.

С.М. Соловьёв, видевший в монголах источник воздействия на отношения князей не больший, чем в киевский период половцы [24, с. 6–7], упускал из виду обстоятельство, которого не было ранее. С признанием Ярославом Всеволодовичем своей зависимости от хана Батия и императора монголов произошло отторжение власти от всего рода Рюриковичей. И эту власть нужно было теперь получать «в Татарах».

¹³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 1–3, 6, 7, 9, 10, 14 и т.д.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 318–319.

¹⁵ Там же. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 470.

Таким образом, каждый князь в новых условиях мог не договариваться со старшим в роде князем или другими князьями о том, какой город он займет в качестве своего княжения, а получить его от монгольского хана, утвердившись ярлыком. Устанавливалась новая система управления, построенная по вертикальному принципу. Источником власти выступал каракорумский император, наделявший ею русских князей через сарайского хана или напрямую. В такой системе горизонтальные или родовые связи князей, поддерживаемые только церковными иерархами и соперничеством за власть с общинами старших городов, должны были разрушиться.

На следующий год после Ярослава Всеволодовича «в Татары» поехали внуки и сын Константина Всеволодовича¹⁶, которым по старым родовым счетам могло грозить лишение княжений со стороны Ярослава Всеволодовича, его братьев и сыновей. В 1245 г. к хану Батюю отправились Ярослав Всеволодович со своими братьями и потомками Константина Всеволодовича, что указывает на верные опасения последних и на начало разрушения родовых связей. С этого времени князья начали ездить «в Татары» чуть ли не каждый год.

Другим фактором, разрушавшим родовые связи князей, было ослабление общин старших городов, впрочем, как и пригородов. Гибель в период нашествия значительного количества горожан была первой единовременной причиной ослабления городских общин, ханская инвестиция в виде ярлыков на княжение стала второй постоянной причиной ослабления влияния городских общин, усиливающей расщепление между старшим городом и пригородами. «Земцы во всех владения Руси, кроме Новгорода, Пскова, Смоленска и Полоцких владений, волей-неволей должны были признавать своим князем того, кого назначит хан татарский» [3, с. 60].

Отсутствие конкуренции на власть со стороны общин старших городов делало ненужными крепкие родовые связи князей, которые могли теперь не опасаться вмешательства общины старшего города при занятии ими любого пригорода. Единственными соперниками князей стали сами князья по отношению друг к другу. Таким образом, установление жесткой вертикали в системе отношений монгольский император – русские князья – городские общины вело к постепенному разрушению горизонтальных связей, как среди князей, так и среди городских общин.

Изменения структуры древнерусского общества можно наблюдать в летописных терминах на примере Северо-Восточной Руси. С укреплением

¹⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 470.

княжеской власти по отношению к городским общинам в летописных статьях сокращается употребление термина «стол». В домонгольский период стол в Северо-Восточной Руси упоминается во Владимире, Ростове и Ярославле¹⁷, после нашествия – только во Владимире. Вместо него получает свое распространение известный со времени Любечского съезда князей 1097 г. термин «отчина»¹⁸.

Но в конце XI – начале XII в. «отчина» означала попытку княжеского рода Рюриковичей делить волости и распределять столы по своему усмотрению, без оглядки на мнение общин крупнейших городов. На практике это не всегда получалось. В середине XIII в. «отчина» приобрела свое полное значение: относительная организационная слабость городского населения и поддержка княжеской власти внешней силой сделали возможной передачу власти от отца к сыну мимо родных братьев. Например, по новому принципу перераспределения властных полномочий сын Константина Всеволодовича Владимир навсегда лишился возможности занять ростовское княжение, которое вопреки родовым лестничным правам занял внук Константина Борис Василькович. Сам Владимир Константинович остался на угличском княжении¹⁹.

Важнейшим признаком формирования новой системы княжеской власти явилось прекращение в 1240-х гг. (лестничного) перехода князей с одних городов на другие, соответствующие их родовому старшинству. Отчинный принцип начал распространяться и на старшинство в княжеском роде Рюриковичей. Святослав Всеволодович, занявший княжение во Владимире по старым родовым правам, был изгнан оттуда Андреем Ярославичем, заручившимся ханскими ярлыками²⁰ [22, с. 239]. Этот случай указывает на одно очень серьезное обстоятельство: Андрей Ярославич, опиравшийся на один из бывших пригородов Ростова или Владимира, сумел выбить Святослава Всеволодовича, княжившего хотя и в разоренном, но главном городе Северо-Восточной Руси. Это означало то, что владимирцы не стали поддерживать своего князя против Андрея Ярославича, получившего ярлык на владимирское княжение в ставке каракорумского императора²¹.

¹⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 442.

¹⁸ Там же. Стб. 256–257.

¹⁹ Там же. Стб. 472.

²⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 229; Там же. Т. 15. Рогожский летописец. М., 2000. Стб. 31.

²¹ Встречающееся в некоторых поздних летописях известие об изгнании из Владимира в 1248 г. Святослава Всеволодовича Михаилом Ярославичем Хоробритом маловероятно. Михаил Хоробрит был четвертым или пятым сыном великого князя Ярослава Всеволодовича. Чтобы сесть на великий стол во Владимире, ему нужно было нарушить

Впрочем, не стоит забывать и второе возможное условие того, почему старший в княжеском роде – Святослав Всеволодович – не смог противостоять Андрею Ярославичу. Это слабость владимирской общины, пострадавшей в ходе нашествия в 1237–1240 гг. намного сильнее, чем большая часть других городских общин Ростовской земли [22, с. 242–245, 252].

Монгольские завоеватели не стали подрывать высокий статус родового старшинства в русских князьях, представленного с 1169 по 1238 г. княжением во Владимире. Некоторое время монгольские правители даже поддерживали общерусские интересы владимирских князей в противовес политике Михаила Всеволодовича Черниговского и Даниила Романовича Галицкого, занявших неприязненную позицию по отношению к ним [Там же, с. 232–235, 239–241].

Однако сохранение великого княжения Владимирского в качестве важного государственного института общерусского значения было связано с методами и приемами монгольской политики, направленной на укрепление власти монгольских ханов в восточнославянских землях [6, с. 28–31; 7, с. 24–30]. Передавая великое княжение во Владимире то одному, то другому русскому князю, монголы преследовали сразу несколько целей. Во-первых, они усиливали борьбу русских князей между собой, ослабляя их в военном и политическом плане. Во-вторых, не считаясь с родовым старшинством князя, претендующего на Владимир, монголы ускоряли распад родовых связей среди потомков Всеволода Юрьевича. В-третьих, формируя конкуренцию за великое княжение, они создавали возможности максимально благоприятных условий для изъятия экономических ресурсов восточнославянских земель. Наконец, при посредстве великого князя монгольские правители обеспечивали безопасность своей западной границы (передавая княжение наиболее верному, с их точки зрения, вассалу), и порядок в подчиненных им землях (сообщая определенный материальный перевес владимирскому князю и подчиняя ему силы других князей).

Таким образом, великое княжение во Владимире перестало напрямую зависеть от родового старшинства занимавших его князей (из числа потомков Всеволода Юрьевича Большое Гнездо), но в силу сложившихся обстоятельств и целенаправленной политики монгольских ханов стало скорее определенным звеном в административном аппарате

по лестничному счету права не только своего дяди Святослава Всеволодовича, но и родных старших братьев – Александра и Андрея Ярославичей. Кроме того, князь должен был проигнорировать ярлыки хана Батия и каана Гуюка, данные Александру и Андрею. Можно предположить, что Михаил Хоробрит изгнал своего дядю из Владимира с санкции Андрея Ярославича, получившего ярлык на великое княжение в Каракоруме. Но летописи ничего не сообщают об этом.

Монгольской империи. Выдав ярлык на великое княжение во Владимире Андрею Ярославичу в обход старших князей – Святослава и Ивана Всеволодовичей, Владимира Константиновича и Александра Ярославича, монгольские правители показали, что не намерены считаться с порядком властвования, существовавшим ранее в восточнославянских землях. Попытка Андрея Ярославича в союзе с Даниилом Романовичем Галицким освободиться от монгольской зависимости привела к потере им великого княжения и передаче последнего Александру Ярославичу [9, с. 50–51, 59–61].

При Александре Ярославиче (1252–1263), относившемся достаточно лояльно к монголам, произошло закрепление отчинного принципа в системе управления Северо-Восточной Руси или разделение бывшей Ростовской земли, главным городом которой со времен Андрея и Всеволода Юрьевичей был Владимир, на княжества, передаваемые от отца к сыну.

С дальнейшим развитием отчинного принципа в период княжения во Владимире Ярослава Ярославича (1263–1272) наблюдалось новое явление в государственной жизни русских земель: князь при получении ярлыка на Владимир не переезжал в него, а оставался в своем отчинном городе. Ярослав Ярославич остался в Твери, соединяя власть в своей отчине с великим княжением во Владимире. Следующий великий князь Василий Ярославич (1272–1276) также остался в своей отчине – Костроме, управляя одновременно и землями великого владимирского княжения²² [22, с. 245]. Это же справедливо и в отношении всех последующих князей до великого московского князя Дмитрия Ивановича, который впервые передал великое княжение по наследству как свою отчину²³.

В период жизни сыновей Ярослава Всеволодовича, родившихся, кроме последнего – Василия (1241), до монгольского нашествия и воспитанных в системе старых родовых отношений, должны были господствовать и старые принципы занятия владимирского княжения. Действительно, за исключением княжения во Владимире Андрея Ярославича, великое княжение занималось братьями, хотя и с согласия монголов, но по очереди старшинства.

Не совсем перестали действовать и другие факторы, влиявшие на механизм власти. Городские общины, сильно пострадавшие в ходе монгольского вторжения в 1237–1240 гг., восстановили свои вечевые структуры, которые проявили себя в Ростове, Владимире, Суздале,

²² Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 33.

²³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М., 1950. С. 34.

Ярославле и иных городах в ходе антимонгольского восстания 1262 г.²⁴ Это событие показывает, что далеко не всегда и во всем городские общины Руси соглашались с навязываемой им монгольскими ханами политикой. Периодически оказывал неповиновение Новгород. Борьбу за великое княжение можно было вести также при поддержке горожан, как в своем отчинном городе, так и во Владимире [3, с. 60–61]. Поэтому князьям приходилось проявлять родовую солидарность и соблюдать старшинство при занятии великого княжения Владимирского, а монгольским правителям – соглашаться до определенной степени с существовавшим издревле в восточнославянских землях порядком передачи власти.

Продолжалась и деятельность православного духовенства, укреплявшая родовые связи князей и объединявшая русское общество в целом. Здесь уже указывалось на сужение географии при упоминании в летописных статьях термина «стол», которое можно объяснить падением в результате монгольского нашествия политического и религиозного значения старших городов как центров восточнославянских земель. В Ростовской земле «стола» упоминались во Владимире, Ростове и Ярославле²⁵. После разгрома городов армией хана Батые в 1237–1240 гг. «стол» упоминается только во Владимире. В 1238 г. «Ярослав сын Всеволода великого седе на столе в Володимери», в 1247 г. на владимирском столе мы видим Святослава Всеволодовича, а в 1249 г. – Андрея Ярославича²⁶.

Посаждение князя на стол означало наделение его властью. Церемонии посажения совершал митрополит или епископ данного города. Таким образом князь получал основание легитимности своей власти над городской общиной старшего города земли, его пригородами и волостями. При этом горожане целовали крест в верности князю. В отдельных случаях и князь со своей стороны целовал крест в соблюдении договорных основ своего правления в данном городе²⁷.

В новейшей историографии развернулась острая дискуссия по проблеме интронизации князей: с какого времени началось посажение князей на стол, что оно включало в себя [2, с. 13–18; 4, с. 5–16; 5, с. 17–35; 14, с. 99–107; 15, с. 86–94; 20, с. 102–112]. Оставив пока в стороне

²⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 476.

²⁵ Там же. Стб. 440, 442.

²⁶ Там же. Стб. 467, 471, 472.

²⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 321–322. В отношениях с Новгородом князья постоянно целуют крест в знак подтверждения ряда с городом.

подробный разбор мнения коллег по данному вопросу, отметим, что в целом, за редким исключением, осталось без внимания то обстоятельство, что посажение на стол имело смысл только для христианских общин. В условиях отсутствия твердых оснований своей власти князья пытались ее сакрализовать, апеллировать к христианской верности бояр, дружинников и всех горожан.

Предположительно в домонгольский период посажение на старейший киевский стол совершали митрополиты с согласия киевской общины, в Ростовской земле посажение на стол мог совершать ростовский епископ, а после 1214 г. – еще и владимирский. Посажение на стол было тем религиозным актом, который сглаживал противоречия городских общин и представителей княжеского рода Рюриковичей во властной сфере. Освящение княжеской власти церковными иерархами примиряло встречные тенденции в государственной системе земли, как сверху – со стороны князей, так и снизу – со стороны городских общинных структур.

Монгольское нашествие внесло существенные коррективы в эту религиозно-государственную связь князя и земли. Ослабление городских общин привело к тому, что изменилось соотношение княжеской и земской власти в пользу первой. Посажение на владимирский стол Ярослава Всеволодовича в 1238 г. и Святослава Всеволодовича в 1247 г. отличалось от подобных актов домонгольской эпохи, т.к. вместо двух встречных претензий на власть в государственной системе древнерусского общества стало преобладать иерархическое построение власти сверху, со стороны князя. Еще большее доминирование княжеской власти можно наблюдать в 1249 г., когда на владимирском столе, игнорируя своих дядей, старшего брата и, самое главное, владимирскую общину, оказался Андрей Ярославич.

В некоторое заблуждение может ввести статья Лаврентьевской летописи, содержащая в себе ростовские записи первых шести десятилетий XIII в., под 6760 (1252) г., где говорится о посажении на стол Александра Ярославича²⁸ [25, с. 517, 523]. Она написана в домонгольской традиции, когда не только князь, но и городская община выступали в качестве субъектов или носителей власти. Ростовский летописец, находившийся в среде с древними вечевыми традициями, бывшей главным центром сопротивления монгольской власти на Северо-Востоке Руси [22, с. 253, 259–260], отразил в этой статье идеальное, по его мнению, состояние княжеской власти в обществе.

²⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 473.

Однако Никоновская летопись, составители которой использовали архивы митрополитов всея Руси [16, с. 52–53], внеся небольшое дополнение, позволяет достаточно точно определить произошедшие изменения. По словам летописи, митрополит Кирилл посадил Александра Ярославича на великом княжении во Владимире «с пожалованием царёвым»²⁹. Таким образом, возникла взаимосвязь монгольской инвентуры и посажения князей на великий стол митрополитами. В данном случае нас интересует то, что укрепление княжеской власти по отношению к вечевым структурам сопровождалось появлением государственной надстройки, олицетворяемой монгольским ханами и возвышающейся над русскими князьями.

Со вступлением в политическую жизнь Северо-Восточной Руси после смерти Василия Ярославича в 1276 г. нового поколения князей, в сознании которых в силу сложившихся обстоятельств преобладали отчинные, а не родовые (лествичные) принципы формирования власти, должны были возникнуть противоречия между ближайшими претендентами на великое княжение во Владимире. Этому обострению борьбы за приращение власти между князьями способствовала децентрализация Монгольской империи, из которой в 1260-е гг. выделилась возглавляемая потомками хана Джучи Ордынская держава [8, с. 62]. В 1270-х гг. в улусе Джучи наметился второй после Сарая военно-политический центр под руководством темника Ногай, занимавшего со своими войсками причерноморские степи. В 1282 г. Ногай обозначил себя как независимый от сарайских ханов правитель, что послужило началом формирования двух политических союзов русских князей, ориентированных на разные центры монгольской власти [22, с. 269–271].

Единственной силой, сдерживающей противоречия между потомками Ярослава II Всеволодовича, был авторитет духовной власти в лице митрополита Кирилла. Сразу после смерти митрополита в ноябре 1281 г. [26, с. 205], наметившиеся среди князей тенденции приращения отчины проявили себя в борьбе за великое княжение Андрея Александровича Городецкого со своим старшим братом Дмитрием Александровичем Переяславским, продолжавшейся с некоторыми перерывами до смерти последнего в 1294 г. Это противостояние двух ближайших по родству князей показало степень разрушения единого в домонгольское время княжеского рода Рюриковичей, в котором даже представители разных линий в случае необходимости действовали согласованно. Поводом к началу войны послужило Костромское княжество, которое после смерти бездетного Василия Ярославича осталось без князя.

²⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 10. Никоновская летопись. М., 2000. С. 139.

По мнению ряда исследователей, оно, как выморочное, должно было поступить в ведение великого князя [19, с. 119; 21, с. 49]. Но в том-то и дело, что такого правила не существовало до этого момента.

В домонгольской Руси, где князья не были ни собственниками княжеств, ни монополистами в системе власти, подобного прецедента возникнуть не могло. В монгольский период, начиная с княжения Ярослава Всеволодовича и заканчивая княжением Василия Ярославича, новые отношения князей и городских общин, а также князей между собой проходили этап формирования. Когда сложилась система княжений, в которой каждый город и его округа закрепились в качестве отчины определенного князя, то возникла вероятность такой ситуации. Дмитрий Александрович, имея под рукой воинские силы своего Переяславского княжества и великого княжения Владимирского, имел больше возможностей присоединить Костромское княжество к своей отчине, чем другие князья.

Повторимся в том, что в историографии высказывалась мысль о присоединении выморочных княжеств к великому княжению. Однако это предположение опровергалось тем, что великим княжением распоряжались ордынские ханы и его нельзя было передавать по наследству. Это делало бессмысленной политику великих князей по присоединению этих княжеств к Владимиру [1, с. 3–5]. Поэтому великие князья, пользуясь своим превосходством в военном и экономическом отношении, которое им давало обладание великим княжением Владимирским над другими князьями, присоединяли новые владения к своим отчинам.

Другие князья, понимая, что растущий потенциал великого князя не позволит им в дальнейшем претендовать на обладание великим княжением Владимирским, старались всячески препятствовать тому, чтобы оставшиеся без князей отчины захватывал последний. Кроме того, их отчинные интересы указывали на то, что они сами претендовали на выморочные княжества, по крайней мере, на свою часть наравне с великим князем. В этом плане поражает резкий контраст, который существовал в политике перераспределения отчин между потомками Ярослава II Всеволодовича и между потомками Ивана Даниловича Калиты. Полное отсутствие какой-либо системы перераспределения отчин в первом случае привело к тяжелым последствиям для всей Северо-Восточной Руси.

Противоречия между князьями, возникшие в результате перехода от родовой системы управления единой Ростовской землей к разделению ее на отдельные княжества-отчины, касались и потомков Константина Всеволодовича. Именно среди них началась борьба за передел отчин в 1279 г., когда ростовский князь Дмитрий Борисович «поотнимал

волости у князя Михаила Глебовича Белозерского»³⁰. В 1281 г. отчинные интересы Дмитрия Борисовича столкнулись с подобными устремлениями родного брата Константина Борисовича, из-за чего у них началась «вражда велика». Великий князь Дмитрий Александрович, не желая резкого усиления ростовского князя за счет братьев, выступил вместе с ростовским епископом посредником в их примирении.

Сам великий князь Дмитрий Александрович решил укрепить свою власть в Новгороде. После Александра Ярославича Невского среди князей утвердилось мнение, что тот из них, кто обладает великим княжением, должен занимать новгородский стол [9, с. 51, 85]. Просто признания новгородцами власти великого князя Дмитрию Александровичу показалось мало. В Новгородской земле он в 1280 г. построил крепость Копорье, через которую контролировались водные и сухопутные пути к Новгороду с запада. «То обстоятельство, что на территории республики появлялся анклав, в котором распоряжался только князь, новгородцев никак не устраивало» [17, с. 25]. Зимой 1280–1281 гг. между великим князем и новгородцами вспыхнул конфликт, в котором последние пошли на временные уступки³¹. Однако вскоре ситуация изменилась.

Старейшая в восточнославянских землях новгородская городская община, в которой сохранилась домонгольская система управления, выражаемая в выборном характере государственных должностей и государственном единстве старшего города и его земли, старалась использовать противоречия князей для укрепления своего влияния на них, как это было и в других землях до монгольского нашествия. Растущая, вместе с присоединенными к Переяславлю землями, сила великого князя Дмитрия Александровича пугала новгородцев, издревле дороживших своей свободой и правом выбирать князей по собственному усмотрению.

У Новгорода вскоре нашелся союзник – родной брат великого князя Андрей Александрович Городецкий, понявший, что путь к приращению отчины лежит через обладание великим княжением. Городецкий князь отправился в Сарай и получил великое княжение при вооруженной поддержке монголов вопреки ставшей номинальной традиции родового старшинства³². Зимой 1282 г. Андрей Александрович был посажен на столе Новгорода. Но Дмитрий Александрович, вернув себе

³⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 77–78.

³¹ Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 323–324.

³² Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 78.

Переяславль и Владимир, пресек подвоз хлеба в Новгород и заставил Андрея Александровича снова бежать в Орду³³.

Попытка Дмитрия Александровича восстановить свою власть показала, что одностороннее умножение владений великого князя не нравилось не только Андрею Александровичу Городецкому, но еще Даниилу Александровичу Московскому и Святославу Ярославичу Тверскому, выступившими в 1282 г. со своими полками и новгородцами против него. По мнению В.А. Кучкина, причиной выступления московского и тверского князей была попытка великого князя Дмитрия Александровича увеличить свою власть за счет Дмитрова [18, с. 97]. Дело до битвы не дошло, и в результате был заключен мир. Но вскоре Дмитрию Александровичу пришлось вновь уступить своему брату – Андрею Городецкому, который привел из Орды новое войско. Не имея достаточных сил противостоять противникам, великий князь обратился к правителю Западной Орды – Ногаю, который находился во враждебных отношениях с сарайскими ханами [11, с. 133].

Поддержка Ногай помогла Дмитрию Александровичу вернуть себе великое княжение к 1283 г., но ему пришлось поделиться выморочным Костромским княжеством с Андреем Александровичем, где в качестве наместника находился боярин последнего³⁴. Еще С.М. Соловьев считал, что Кострому Андрей Александрович получил сразу после смерти князя-отчича Василия Ярославича в январе 1277 г. [24, с. 249]. Но, по мнению В.А. Кучкина, Костромское княжество перестало тогда существовать и вошло в состав великого княжения Владимирского. Когда Дмитрий Александрович вернул себе великое княжение Владимирское, то, по версии исследователя, Кострома также вернулась под его власть, где бояре великого князя убили Семена Тонильевича – любимого боярина Андрея Александровича [17, с. 24–25; 19, с. 119].

Но последняя версия содержит противоречие. Откроем источник: «Того же лета прииде из орды князь великий Дмитрей Александрович и взя любовь и смирился съ братомъ своимъ съ княземъ Андреемъ. Того же лета два боярина, Антон и Фофан, убиша княжимъ повелениемъ на Костроме Семена Тонильева, коромолника льстиваго»³⁵. Возникает вопрос: если Кострома отошла в состав великого княжения Владимирского и Дмитрий Александрович вернул ее в 1283 г. вместе с великим

³³ Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 325; Там же. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 154.

³⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 78–79.

³⁵ Там же. С. 79.

княжением себе, то что делает в Костроме боярин городецкого князя? И второй вопрос: почему любимый боярин Андрея Александровича не предпринял никаких мер для собственного спасения от людей великого князя? Можно предположить, что сообщения Симеоновской летописи идут не в хронологическом порядке, и тогда, согласно версии В.А. Кучкина, сначала люди великого князя напали на Кострому и убили наместника Андрея Городецкого. После чего произошло присоединение Костромского княжества к великому княжению и примирение Дмитрия и Андрея Александровичей. Однако источники не содержат никакой информации о вооруженной борьбе за Кострому.

Наиболее вероятной представляется следующая версия. Дмитрий Александрович признал Кострому за своим братом Андреем, чтобы погасить недовольство последнего потерей стола во Владимире и Новгороде. В Костроме в качестве наместника Андрея Городецкого сидел Семен Тонильевич. Когда великому князю стала поступать новая информация о враждебных действиях его родного брата, то Дмитрий Александрович, подозревая в любимце Андрея Александровича главного виновника своих бед, отправил двух своих бояр в Кострому. Так как у князей между собой на тот момент были мирные отношения, то Семен Тонильевич не подозревал в людях великого князя своих убийц и не предпринял никаких мер к своему спасению: ни путем вооруженной борьбы, ни бегством.

В дальнейшем Кострома снова окажется во власти Дмитрия Александровича, но произошло ли это сразу после вышеописанных событий, на очередном витке борьбы с Андреем Александровичем в 1285 г., или в 1293 г., когда в Костроме на княжении окажется сын великого князя – Иван Дмитриевич, это точно установить не представляется возможным³⁶. Наиболее вероятный вариант – последний. В начале 1290-х гг. Ногай, покровитель Дмитрия Александровича, находился на пике своего могущества, а сам великий князь проявлял высокую активность в вопросе расширения своей власти. Что и вызвало жалобы многих русских князей во главе с Андреем Александровичем Городецким в Орду хану Тохте – противнику Ногая.

Однако убийство людьми Дмитрия Александровича боярина городецкого князя стало прологом к продолжению борьбы князей за расширение своей власти. Андрей Александрович попытался в 1283 г. заручиться в борьбе с великим князем помощью новгородцев. Но городецкому князю не хватило сил удержаться в Новгороде, т.к. Дмитрия Александровича по-прежнему поддерживали воинские контингенты хана Ногая. Великий князь силой всей Низовской земли и войск Ногая заставил

³⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 527.

Андрея Александровича оставить новгородский стол, который занял сам зимой 1283–1284 гг.³⁷

В следующем 1285 г. Андрей Александрович, пытаясь вернуть себе власть, в третий раз привел из Орды «царевича», надеясь пошатнуть власть великого князя. Дмитрий Александрович не уступил, соединившись с московским и тверским князьями, изгнал ордынцев, и заставил Андрея Городецкого снова признать свою власть, захватив бояр последнего³⁸. Пока монгольский покровитель Дмитрия Александровича удерживал лидирующие позиции среди потомков хана Джучи, великий князь мог укреплять свое положение главного отчича Северо-Восточной Руси. В этот период только тверской князь Михаил Ярославич отстаивал свои отчинные права, не подчиняясь великому князю, что вызвало со стороны Дмитрия Александровича военный поход против Тверского княжества³⁹. В 1291 г., по мнению А.А. Горского, великий князь захватил Угличское княжество [10, с. 17]. Но многие другие князья, как показывали последующие события, также искали возможности не подчиняться великому князю.

Изменение соотношения сил в Орде между Ногаем и Тохтой в пользу сарайского хана в первой половине 1290-х гг. сразу же ослабило положение великого князя, чем не преминули воспользоваться некоторые другие князья, также жаждавшие расширить свои отчины. Обращение последних за военной помощью в Сарай привело к вторжению в 1293 г. в Северо-Восточную Русь монгольского войска Дюдены (Тудана). Масштабы этой военной экспедиции и ее разрушающая сила, судя по данным летописей, были сопоставимы с монгольским нашествием 1237–1240 гг.⁴⁰ В результате данной кампании Андрей Александрович Городецкий снова занял новгородский стол, а его союзник – Фёдор Ростиславич Ярославский, бывший в это же время и смоленским князем, захватил Переяславль (Залесский) – отчину великого князя Дмитрия Александровича. Тем не менее, противодействие этим захватам со стороны Михаила Ярославича Тверского и Даниила Александровича Московского, опиравшихся на еще достаточно сильного хана Ногая, позволило великому князю Дмитрию Александровичу вернуть себе Переяславль [Там же, с. 20–24]. Несколько ранее князья проногаевской коалиции поддерживали сына великого князя Ивана Дмитриевича,

³⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 325–326.

³⁸ Там же. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 246.

³⁹ Там же. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. С. 34; Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 81.

⁴⁰ Там же. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 82–83.

находившегося на княжении в Костроме. Последовавшая вскоре смерть Дмитрия Александровича не позволила ему в полной мере восстановить великокняжеские prerogatives.

Андрей Александрович Городецкий, ставший в 1294 г. великим князем владимирским, с полным основанием мог занимать новгородский стол. Но у него оставались претензии к Ивану Дмитриевичу Переяславскому, удерживавшему в составе своих отчин Костромское княжество, которым Андрей Александрович владел в 1283 г., т.е. до обострения отношений с Дмитрием Александровичем. Кроме того, как старший из оставшихся сыновей Александра Ярославича, он мог требовать передачи ему Переяславского княжества на основании того, что последнее держали великие князья одновременно с великим княжением Владимирским при Ярославе Всеволодовиче, Александре Ярославиче и Дмитрии Александровиче. Андрею Александровичу требовался повод для того, чтобы включить Переяславль в состав своих отчин, но из-за противодействия московского и тверского князей у него не хватало сил для приведения своего замысла в действие. Поэтому великий князь привлек к решению этого вопроса своих союзников – ярославского и ростовского князей, а также ордынских послов.

В 1296 г. во Владимире состоялся съезд русских князей, на котором в присутствии ханского посла Неврюя, владимирского и сарайского епископов в числе многих вопросов обсуждалась судьба Переяславля⁴¹. Андрею Александровичу удалось добиться некоторых уступок со стороны противодействующей коалиции князей. В его ведение перешла Кострома, где до 1303 г. на княжении находился сын великого князя Борис Андреевич⁴². Нет прямых указаний, что это случилось в 1296 г., а не ранее, сразу по получении Андреем великого княжения. Но есть данные о том, что в 1293 г., накануне Дюденевой рати, великий князь Дмитрий Александрович посадил в Костроме своего сына Ивана [19, с. 119]⁴³. Летописи ничего не сообщают о захвате Костромы во время похода Андрея Александровича 1293 г. вместе с ордынцами. Нет такой информации и после известия о смерти великого князя Дмитрия Александровича, когда в 1294 г. Андрей Городецкий стал великим князем не только с подачи хана Тохты, но и согласно русской традиции

⁴¹ Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 249; Там же. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. С. 363–364; Там же. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 181; Там же. Т. 10. Никоновская летопись. М., 2000. С. 171; Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 83–84.

⁴² Там же. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 85.

⁴³ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 527.

родового старшинства. Однако в летописях по итогам съезда князей 1296 г. есть указание о том, что закончилось противостояние Андрея Александровича с союзными ему князьями и коалиции Даниила Московского, Михаила Тверского и Ивана Переяславского дележом княжества⁴⁴. Великое княжение и новгородский стол уже были в руках Андрея Александровича. Следовательно, речь шла о Костромском княжестве, которое по требованию великого князя Иван Дмитриевич вынужден был уступить.

Однако Переяславское княжество по-прежнему было в руках Ивана Дмитриевича, что вело к продолжению вооруженной борьбы между великим князем и его противниками. Протекция хана Ногай и поддержка Даниила Александровича Московского и Михаила Ярославича Тверского позволили Ивану Дмитриевичу удержать Переяславль за собой [10, с. 26–27], несмотря на все меры, предпринятые великим князем Андреем Александровичем с целью захвата последнего.

Делая небольшое отступление, обратим внимание на возрождение в этот период практики княжеских съездов. После княжеского съезда в 1296 г. аналогичные собрания русских князей для решения спорных вопросов состоялись в 1300 г. в Дмитрове и в 1303 г. в Переяславле⁴⁵. По своему характеру эти съезды отличались от съездов времен князя Владимира Всеволодовича Мономаха и последующих съездов домонгольской эпохи, т.к. в более ранний период на этих съездах шла речь об общих интересах всего княжеского рода Рюриковичей, которому могла угрожать потеря власти над крупнейшими городскими общинами восточнославянских земель.

В конце XIII – начале XIV в. на княжеских съездах решались вопросы перераспределения власти между отдельными князьями-отчинниками. По верному замечанию С.М. Соловьёва, «на этих новых съездах каждый князь толковал отдельно о своих интересах и, уладивши дело с одним, мог не уладить с другим» [24, с. 142].

Однако между этими съездами было и нечто общее, выражающееся в слабости великокняжеской власти, неспособной противостоять тенденции распада. Неслучайно составители летописного свода митрополита Фотия, отразившегося в Софийской I летописи старшего извода, посчитали неудавшуюся попытку великого князя Андрея Александровича занять Переяславль за раздел собственно великого княжения⁴⁶.

⁴⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 83.

⁴⁵ Там же. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 85–86; Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 485–486.

⁴⁶ Там же. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. С. V, 364.

Великий князь, попытавшийся было перевести своего племянника с Переяславского княжества на другое, менее значимое, используя в своих интересах старые родовые отношения, столкнулся с отчинными проявлениями тверского, московского и переяславского князей, подавить которые у него не хватило сил. Более того, в период с осени 1296 г. до начала 1299 г. Даниил Александрович оспаривал у великого князя новгородский стол, на котором по приглашению новгородцев находился второй сын московского князя – Иван [18, с. 99–101].

Появление некоей перспективы должна была внушать Андрею Александровичу гибель в 1299 г. хана Ногая, положившая конец двоевластию в Орде [22, с. 276–277]. Упомянувшийся съезд князей в Дмитрове показал, с одной стороны, тенденцию к укреплению великокняжеской власти, т.к. Михаил Ярославич Тверской, не получив уступок со стороны Ивана Дмитриевича, стал союзником Андрея Александровича [10, с. 28]. Но, с другой стороны, он обнаружил явное нежелание хана Тохты поддерживать великого князя Андрея Александровича в укреплении своей власти. Таким образом, «раздел» великого княжения ввиду обладания Переяславлем князем Иваном Дмитриевичем продолжался⁴⁷.

Незадолго до своей смерти в 1302 г. Иван Дмитриевич на правах владельца отчины завещал Переяславское княжество московскому князю Даниилу Александровичу. После смерти Ивана Дмитриевича великий князь Андрей Александрович попытался захватить Переяславль, но его наместники были изгнаны оттуда московским князем. Поняв, что без ордынской помощи ему по-прежнему не овладеть Переяславлем, Андрей Александрович отправился в Сарай. Последовавшая вслед за этим в 1303 г. смерть Даниила Александровича Московского значительно ослабила позиции его сыновей в споре за великое княжение. Однако переяславский съезд князей снова показал нежелание хана содействовать Андрею Александровичу в укреплении великокняжеской власти присоединением Переяславля к великому княжению Владимирскому [22, с. 278–279]⁴⁸. Смерть в 1304 г. Андрея Александровича Городецкого, не сумевшего в полном объеме восстановить великокняжеские prerogatives, означала углубление кризиса, грозившего полным распадом Великороссии на отдельные несвязанные между собой княжества-отчины [23, с. 87].

⁴⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 85; Приселков М.Д. Троицкая летопись. (Реконструкция текста). 2-е изд. СПб., 2002. С. 349–350; Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 485–486.

⁴⁸ Там же. С. 485–486; Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 86; Приселков М.Д. Троицкая летопись. (Реконструкция текста). 2-е изд. СПб., 2002. С. 350–351.

Подводя итоги исследования отношений князей Рюриковичей в период от нашествия Батые до смерти в 1304 г. великого князя Андрея Александровича, можно отметить, что в них произошли серьезные изменения. Если в домонгольский период князья, даже из разных линий рода, несмотря на случавшиеся противоречия или конфликты, руководствовались общими интересами рода – интересами поддержания своей власти в русских землях в условиях растущей силы и субъектности городских общин, то после монгольского нашествия начался распад единого княжеского рода и переход от лестничного (по старшинству в роде) принципа передачи власти к отчинному – от отца к сыну.

Гибель значительного числа представителей городских общин, особенно старших городов земли, в 1237–1240-х гг. и поддержка ханскими ярлыками русских князей начиная с 1243 г., делали не столь нужными, как прежде, их горизонтальные связи. В период великого княжения Ярослава Всеволодовича, Андрея и Александра Ярославичей князья разделили единую (издревле Ростовскую, с 1176 г. – Владимирскую) землю на отдельные княжества-отчины, передаваемые от отца к сыну. Родовая, или лестничная, система сохранилась только в вопросе передачи великого княжения во Владимире. Однако и здесь произошли изменения. Князья, начиная с Ярослава Ярославича, при занятии великого стола во Владимире не оставались в нем, а правили из своего отчинного города. Неоднократно разоренный монголами Владимир не мог выступать опорой великокняжеской власти. Преимущество великому князю давало соединение в его руках двух княжеств – отчинного и великого Владимирского.

Формирование отчинного принципа передачи власти в Северо-Восточной Руси вело к изменению характера борьбы князей друг с другом. Если в домонгольский период князья стремились переместиться с менее значимого города на более значимый, то в новых условиях князья стремились расширять территорию своего отчинного княжества, захватывая соседние земли. Обладание же великим княжением Владимирским в новых условиях давало преимущество в вопросе силового расширения своего (отчинного) княжества.

Вместе с тем, следует отметить, что родовая лестничная система в указанный период не ушла еще окончательно в прошлое. Во-первых, были городские общины, которые не испытали на себе ужасов монгольского нашествия: Новгород, Псков, Смоленск и др., и все домонгольские формы их взаимодействия с князьями сохранялись. Во-вторых, городские общины Северо-Восточной Руси, особенно те, которые меньше пострадали в ходе иноземного нашествия, имели тенденцию к восстановлению: в отдельных общинах на рубеже XIII–XIV вв.

источниками отмечены даже вечевые собрания. Естественно, что князья-Рюриковичи должны были учитывать эти обстоятельства, и при занятии великого стола во Владимире родовое старшинство пока за редким исключением соблюдалось.

Библиографический список / References

1. Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. [Averyanov K.A. Kupli Ivana Kality [Purchases of Ivan Kalita]. Moscow, 2001.]
2. Артамонов Ю.А. Об участии церкви в интронизации князей Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXXIII. М., 2021. С. 13–18. [Artamonov Yu.A. On the participation of the church in the enthronement of the princes of Ancient Rus. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekove*. Issue XXXIII. Moscow, 2021. Pp. 13–18. (In Rus.)]
3. Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси // Беляев И.Д. Земский строй на Руси. СПб., 2004. С. 21–160. [Belyaev I.D. The fate of thezemshchina and the election principle in Rus. Belyaev I.D. *Zemskiy stroy na Rusi*. St. Petersburg, 2004. Pp. 21–160.]
4. Виноградов А.Ю. Религиозный аспект церемонии вокняжения в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2. С. 5–16. [Vinogradov A.Yu. Religious aspect of the reigning ceremony in pre-Mongol Rus. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2022. No. 2. Pp. 5–16. (In Rus.)]
5. Гвозденко К.С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 17–35. [Gvozdenko K.S. The ceremony of princely enthronement in Rus' in the pre-Mongol period. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2009. No. 1. Pp. 17–35. (In Rus.)]
6. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды: (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. [Grekov I.B. *Vostochnaya Evropa i upadok Zolotoy Ordy: (na rubezhe XIV–XV vv.)* [Eastern Europe and the decline of the Golden Horde (at the turn of the 14th–15th centuries)]. Moscow, 1975.]
7. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. [Grekov I.B. *Ocherki po istorii mezhdunarodnykh otnosheniy Vostochnoy Evropy XIV–XVI vv.* [Essays on the history of international relations of Eastern Europe in the 14th–16th centuries]. Moscow, 1963.]
8. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. [Grekov B.D., Yakubovsky A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its fall]. Moscow, 1998.]
9. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. [Gorsky A.A. «Vsego esi ispolnena zemlya russkaya»: Lichnosti i mentalnost russkogo srednekovyia: Ocherki [“The Russian land is filled with everything”: Personalities and mentality of the Russian Middle Ages]. Moscow, 2001.]
10. Горский А.А. Москва и Орда. М., 2001. [Gorsky A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and Horde]. Moscow, 2001.]

11. Горский А.А. Ногай и Русь // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 130–155. [Gorsky A.A. Nogai and Rus. *Tyurkologicheskii sbornik 2001: Zolotaya Orda i ee nasledie*. Moscow, 2002. Pp. 130–155. (In Rus.)]
12. Горский А.А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016. [Gorsky A.A. *Srednevekovaya Rus. O chem govoryat istochniki* [Medieval Rus'. What the source essay]. Moscow, 2016.]
13. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. [Danilevsky I.N. *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.): Kurs lektsiy* [Russian lands through the eyes of contemporaries and descendants (12th–14th centuries): Lecture course]. Moscow, 2001.]
14. Иванова Е.Е. Церемония интронизации великого князя на Руси в период ордынского господства // Клио. М., 2021. С. 99–107. [Ivanova E.E. The enthronement ceremony of the Grand Duke in Rus' during the period of the Horde domination. *Clio*. Moscow, 2021. Pp. 99–107. (In Rus.)]
15. Кежа Ю.Н. Обряд интронизации полоцких князей (В контексте церемониального обряда Древней Руси) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 86–94. [Kezha Yu.N. The rite of enthronement of the Polotsk princes (In the context of the ceremonial rite of Ancient Rus'). *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities*. 2021. No. 1. Pp. 86–94. (In Rus.)]
16. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. [Kloss B.M. *Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [Nikon's Codex and Russian chronicles of the 16th–17th centuries]. Moscow, 1980.]
17. Кучкин В.А. Владимирское княжество в послемонгольское время // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2. С. 17–28. [Kuchkin V.A. Vladimir Principality in Post-Mongol Time. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2022. No. 2. Pp. 17–28. (In Rus.)]
18. Кучкин В.А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 93–107. [Kuchkin V.A. The first Moscow prince Daniil Alexandrovich. *Otechestvennaya istoriya*. 1995. No. 1. Pp. 93–107. (In Rus.)]
19. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. [Kuchkin V.A. *Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv.* [Formation of the state territory of North-Eastern Rus' in the 10th–14th centuries]. Moscow, 1984.]
20. Лавренченко М.Л. «Ты наш князь»: соглашения между городом и князем в Киевской летописи // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1. С. 102–112. [Lavrenchenko M.L. "You are our prince": Agreements between the city and the prince in the Kyiv Chronicle. *Bulletin of Perm University. History*. 2023. No. 1. Pp. 102–112. (In Rus.)]
21. Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. [Lyubavsky M.K. *Obrazovanie osnovnoy gosudarstvennoy territorii velikorusskoy narodnosti. Zaselenie i obyedinenie tsentra* [Formation of the main state territory of the Great Russian people. Settlement and unification of the center]. Leningrad, 1929.]

22. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. СПб., 2002. [Nasonov A.N. «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. Istoriko-geograficheskoe issledovanie [“Russian land” and the formation of the territory of the ancient Russian state. Historical and geographical research]. St. Petersburg, 2002.]
23. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. [Presnyakov A.E. Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva [Formation of the Great Russian State]. Moscow, 1998.]
24. Соловьёв С.М. История отношений между русскими князьями Рюрика дома. М., 2003. [Solovyov S.M. Istoriya otnosheniy mezhdu russkimi knyaziyami Ryurikova doma [History of relations between Russian princes of the Rurik house]. Moscow, 2003]
25. Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. [Shakhmatov A.A. Razyskaniya o russkikh letopisyakh [Research on Russian Chronicles]. Moscow, 2001.]
26. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII веков. М., 1989. [Shchapov Ya.N. Gosudarstvo i tserkov Drevney Rusi X–XIII vekov [State and Church of Ancient Rus’ of the 10th–13th centuries]. Moscow, 1989.]
27. Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. [Froyanov I.Ya. Nachala russkoy istorii. Izbrannoe [Beginnings of Russian history. Selected]. Moscow, 2001.]

Статья поступила в редакцию 11.04.2025, принята к публикации 29.05.2025
The article was received on 11.04.2025, accepted for publication 29.05.2025

Сведения об авторе / About the author

Медведев Александр Анатольевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва

Alexander A. Medvedev – PhD (History); associate professor at the Department of History of the Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University; associate professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow

E-mail: medvedev8@mail.ru